

Сесилия

Когда я смотрела, как феникс падает, как его ядро перегружается, как обратная реакция лишает его сознания, в моей голове вспыхнуло чужое воспоминание: бегущий и смеющийся мальчик, его разные глаза - один пылающий оранжевый, другой ледяной голубой - искрятся радостью и удивлением. Теперь те же самые глаза закатились назад в его голову, когда он кувыркался в свободном падении.

Передо мной был ребенок Леди Рассвет, в этом не было никаких сомнений. Вкус ее маны оставался в моих чувствах, создавая некий резонанс с его собственной. Я чувствовала их связь, была ее частью, словно нас связывали два магнита.

Вместе с этой связью пришли эмоции, которые тоже были не моими: защита, отчаяние и яркая, взрывная ярость.

Не мои эмоции. Я с горечью подумала обо всех чужих мыслях, воспоминаниях и идеях, которые были вбиты в мою голову после перевоплощения. Это не тот, кто мне дорог.

Крепко ухватившись за нахлынувшие материнские инстинкты, я подавила их, похоронив.

Хорикс резко развернулся и схватил бессознательного феникса за одежду. Он бросил вопросительный взгляд на меня, спрятавшуюся среди тлеющих ветвей широколистного дерева. Я открыла рот, чтобы заговорить, но прежде чем слова покинули меня, мир превратился в ад.

Пламя, разгоревшееся после битвы, взметнулось в небо, окрасив мир в красный цвет, который пылал, как падающее солнце. Воздух обжигал мои легкие, превращаясь в дым и огонь. Одежда тлела, а из защитного барьера маны, окутывающего мое тело, вырывались маленькие язычки пламени. Даже мои органы чувств, казалось, горели под наплывом маны, словно я смотрела на солнце.

Потянувшись, я схватила ману и попыталась подавить ее... но воля, управляющая ею, сопротивлялась, оттесняя меня назад.

"Но... как? Кто?" пораженно воскликнула я.

В ад спустился человек. Внезапно налетевший ветер, казалось, едва взъерошил его волосы, как и дым не смог ослепить его желтые глаза.

Все четверо оставшихся в живых Призраков стояли перед человеком, но им было еще труднее противостоять воздействию заклинания. Они обменивались неуверенными взглядами и бросали ищущие взгляды на деревья в мою сторону.

"Слуги Агроны". Голос мужчины внезапно подсказал мне, кто он, - его личность хранилась в воспоминаниях Леди Рассвет. "Ваша враждебность в моих владениях не будет терпеться. Это место и все, кто в нем находится, находятся под моей защитой", - твердо заявил Мордейн Асклепиус. "Вы испытываете мой клятвенный нейтралитет, совершая здесь нападение. Отдайте мне члена моего клана и уходите".

Коса Хорикса преобразилась в его руках, и он прижал лезвие к горлу Чула. "Похоже, сегодня на нас посыплются фениксы. Как удобно. Прекрати использовать это проклятое заклинание и сдайся, или я вскрою этому мальчишке горло и..."

Огромные огненные когти появились из жара, обжигаящего атмосферу, и обвились вокруг

Хорикса. Когти прожгли и ману, и плоть, превратив его в обугленное мясо, прежде чем он успел вскрикнуть. Полуфеникс обмяк в когтях, оставшись невредимым.

Я все еще оставалась скрытой, мой контроль над маной гарантировал, что я буду неощутима даже для такого могущественного существа, как он. Я беспокоилась, что Призраки могут выдать меня, но трое оставшихся сосредоточились на Мордейне, подняв защиту, но не предпринимая никаких попыток напасть.

Внезапно дерево, на прятавшись на нём, охватил огонь, который я не могла ни контролировать, ни выдержать. Инстинктивно среагировав, я подпрыгнула в воздух и вылетела из пламени, моя кожа покраснела и заболела даже под защитной маной.

"Наследие..." сказал Мордейн. Его ярко-желтые глаза были устремлены на меня, а мантии развевались вокруг него и сливались с дымом. "Даже ты не сможешь скрыться от меня в заклинании моего собственного домена. Не испытывай свои возможности против моего терпения здесь".

В голове у меня все перевернулось. Я не знала, что делать. Этот феникс был могущественным, его контроль над маной был железным. Драконы все еще кишмя кишели в Звериных полях, так что даже если бы я победила его, смогла бы я сделать это достаточно быстро, чтобы вернуться к своей задаче, не привлекая их внимания?

Не стоит рисковать, сказала я себе, надеясь, что действую логично, как Агрона, а не из страха.

"Призраки, со мной..."

Внезапно мое тело напряглось, как будто внутри меня появилась сила, которую я не могла контролировать. Рука сама собой поднялась, вырвалась вперед и выпустила хлыстоподобную лозу, обвившуюся вокруг запястья.

Хлыст прочертил зеленый полумесяц в пространстве между мной и Мордейном, который, казалось, двигался в замедленной съемке. Кончик лозы вспыхнул пламенем, которое побежало по ее поверхности, окрашивая изумрудно-зеленую плоть.

Хлыст разлетелся в прах совсем рядом с горлом Мордейна.

Выражение его лица слегка дрогнуло, но он не сделал ни малейшего движения, чтобы парировать, - на долю секунды на его лице промелькнуло сомнение.

Стиснув зубы до скрипа, я заставила свое тело подчиниться, на мгновение потеряв контроль над собой, а затем крутанулась и полетела со всей скоростью, вырываясь из оболочки доменного заклинания обратно в голубое небо и прохладный ветер.

Что, во имя Вритры, ты пыталась сделать? Прорычала я себе под нос.

Тессия ответила не сразу, и я поспешила увеличить расстояние между мной и Мордейном. Трое Призраков бросились за мной, изо всех сил стараясь не отстать.

Оглянувшись через плечо, я поняла, что заклинание домена Мордейна представляет собой сферу, окутывающую все внутри чистой маной огненного атрибута. Внутри этой сферы его собственная мана вытесняла всю атмосферную ману, усиливая его заклинания и контроль над ними, а так же уменьшая контроль его врагов.

Ты думала, что он сможет победить - убить нас, не так ли? В той адской местности, которую он создал. Определись, что ты хочешь? Действительно, хочешь ли ты жить или умереть? Ты хоть знаешь?

'Нет, я не хочу умирать', - тихо сказала Тессия, впервые обращаясь ко мне с тех пор, как попала в Дикатен. 'Но я не могу не задаваться вопросом, не трусиха ли я, если не попытаюсь сделать все возможное, чтобы это случилось. Чтобы навредить Агроне и сохранить всех в безопасности - Артура в безопасности - ты должна умереть'.

Я внезапно остановилась, по позвоночнику пробежала дрожь.

Заклинание домена Мордейна разрушилось. На мгновение присутствие обоих асур стало абсолютно ясным, а затем атмосферная мана, казалось, поглотила их сигнатуры, и Мордейн закрыл от меня себя и Чула.

И все же... что-то оставалось. Их мана не ощущалась, но... резонанс, который я теперь ощущала с Чулом, не мог быть так легко скрыт.

Собрав собственную ману, я вытолкнула уплотненную сферу и послала ее вперед примерно с той же скоростью, с какой летела сама. "Следуйте за ним, пока длится заклинание, затем возвращайтесь к остальным и возобновляйте охоту".

Три Призрака посмотрели на меня с замешательством. Когда я махнула им рукой, их сомнения развеялись, и они помчались прочь, следуя за миниатюрным солнцем, пробивающимся над пологом леса.

Укрывшись под кронами деревьев, я начала медленно двигаться в ту сторону, где Призраки сражались с Чулом. Ветер доносил запах дыма и гари, а в пустоту, оставленную заклинанием домена, постоянно вливалась атмосферная мана.

Внутри меня закипал гнев: гнев на себя за то, что пришлось убежать от Мордейна, за то, что позволила Тессии взять контроль над телом.

Если твоя цель - убить нас обоих, то ты должна была позволить мне умереть во время Интеграции, - прорычала я эльфу в поисках резонанса.

'Тебе было легко? Когда ты убила себя при помощи меча Грея?' - ответила она, в ее голосе звучали горечь и сожаление.

Я жевала внутреннюю сторону щеки, стараясь сдерживать свою ману, опасаясь, что Мордейн почувствует меня. Но ведь я все равно сделала это, не так ли?

'Да, сделала. Но ты сделала это, чтобы сбежать, убежать от того, с чем не могла справиться'. Наступила тишина, прежде чем она заговорила снова, ее мысли стали более уверенными. 'Я не хотела умирать тогда и не хочу умирать сейчас. Но я пытаюсь сделать все, что в моих силах, чтобы помочь и дать отпор - в отличие от тебя'.

То, что ты знаешь мое прошлое, не означает, что ты знаешь, через что я прошла, - огрызнулась я, приостановив преследование. Ты не представляешь, что мне пришлось пережить... и на что я готова пойти, чтобы Нико и я получили ту жизнь, которую заслуживаем.

С вновь обретенной решимостью я на мгновение совместила свою сигнатуру маны с окружающей меня маной и возобновила преследование Чула, позволяя резонансу маны

направлять меня. Я осторожно продвигалась вперед, бесшумно пробираясь сквозь нижнюю сеть ветвей, и все мое сознание было сосредоточено на этом небольшом толчке вдалеке.

Внезапно связь с маной Чула полностью прервалась. Я почувствовала всплеск страха, адреналин забурлил во мне, и я увеличила скорость, стремясь к тому месту, где в последний раз ощущала его. Мысли начали путаться, но я постаралась отвлечься и вспомнить только то, что чувствовала до того, как его прервали.

Я снова замедлила шаг, приблизившись к тому месту, где, как мне казалось, я потеряла ощущение, и уселась на корни огромного дерева с серебристой корой.

Это место должно быть неподалеку, подумала я, надеясь на неохотное подтверждение со стороны Тессии.

Все Звериные Поляны звенели от отголосков той маны, что переливалась между Эфеотом и Дикатеном, но на полянах также действовало множество источников скрывающей магии. Теперь, так близко, я могла почувствовать границы такого заклинания, или, скорее, множество слоев заклинания. Оно было едва уловимым, почти необнаружимым по своей сути. Но я видела ману, чувствовала, как маскирующее заклинание прижимается к атмосферным частицам, ощущала сложность сжатия, чувствовала намек на то уникальное свойство, которое отличало ману феникса.

Заклинание Мордейна было мощным, оно должно было быть таким. Он веками скрывал свой народ от Агроны Вритры и Кезесса Индрата. Но важнее силы был контроль, а он был выше, чем у любого из них.

Я закрыла глаза и успокоила дыхание. Моя собственная мана находилась в идеальном равновесии с окружающей, скрывая меня от всех, кто мог бы, в свою очередь, искать меня. Древесина древка была шершавой и прохладной на моей спине. Насыщенный дымный аромат его листьев напомнил мне о заваривающемся чае. Ветер, насыщенный маной, посылал рябь по листьям, которые терлись друг о друга, создавая отголоски тихого царапанья.

Дерево дышало. Я чувствовала его жизнь, его энергию. Конечности поднимались высоко-высоко в воздух, расправляясь и стремясь к солнцу и мане, а корни уходили глубоко в почву. Это было почти красиво: дерево впитывало солнце, воду и атмосферную ману и, даже не имея ядра, очищало эту ману, превращая ее в нечто другое, новое, в уникальную форму девиантного древесного атрибута.

Эта мана распространялась по всему растению, просачиваясь в почву, смешиваясь с маной атрибута земли и давая ей жизнь и энергию. Я чувствовала ее в каждой веточке, каждом листочке и каждом корне. Корни этого дерева, как и всех остальных в этой части Звериных Полян, росли под углом, словно их тянуло к чему-то. Они не расходились равномерно, а тянулись в одном направлении, погружаясь глубже, чем все остальные деревья поблизости.

Я позволила своим чувствам проникнуть вниз, следуя за отклоняющейся маной в корни. Они разрастались и переплетались, и я чувствовала, как скрывающие заклинания проносятся мимо меня, как расходящаяся завеса, пока я следовала за ними, слепая ко всему, кроме маны атрибутов деревьев. Когда мое сознание вышло за пределы защитных слоев, я вдруг снова почувствовала специфические сигнатуры маны Мордейна и Чула - и многих других.

Ухмылка заиграла на моих губах, когда я вытерла бисеринку пота, грозившую закатиться в глаз.

Теперь ты понимаешь? Это было неизбежно с самого начала. Твоя цель, твоя судьба - стать сосудом для моей реинкарнации, - самодовольно подумал я.

'Если это так, то я с нетерпением жду, какая судьба ждет тебя, труса, который боится даже увидеть правду: что ты не более чем оружие, инструмент для разрушения', - ответила Тессия, ее голос был невыносимо жалостливым. 'Если то, на что ты надеешься, когда-нибудь сбудется, уверяю тебя, это не будет заслужено победой. Это будет милосердие'.

Я сжала кулаки, желая всеми фибрами своего существа избавиться от ее присутствия в своем сознании, как от свечи, но контроль над маной, проникающей сквозь щит Мордейна, грозил ослабнуть.

Я снова сосредоточилась на задаче, позволяя своей мане проникать сквозь корни в резных стенах святилища фениксов, осторожно продвигаясь вперед, словно по натянутому канату, пока...

"...нужно агитировать его ядро, заставить его втягивать ману. Разожгите огонь и принесите мне кристаллы и эликсиры маны. Все, что у нас есть!"

Это был голос Мордейна. Напряженный, с нотками паники, уже не тот контролируемый шторм силы, который он демонстрировал мне раньше. Дюжина других разговоров вибрировала в почве и корнях деревьев, но я отгородилась от них, сосредоточившись только на Мордейне.

"Он слишком далеко зашел", - сказал другой голос, чуть слышный и нерешительный. "Его ядро едва тянет ману, а отсутствующие конечности..."

"Спасибо, Авьер", - твердо сказал Мордейн, прервав второй голос.

Мордейн Асклепиус

Авьер вернулся на свой насест и молча наблюдал за происходящим, его перья слегка взъерошились, но я не мог позволить себе уделять ему больше внимания. Время для доброты и извинений будет позже. После...

Мана лилась из моих рук, тепло пульсировало в воздухе между мной и Чулом. Солейл и Аврора, два члена моего клана, последовали за мной, их мана присоединилась к моей, и мы попытались агитировать ядро Чула, но, хотя его кожа покраснела под воздействием тепла, само ядро оставалось тусклым и бездействующим.

Оно больше не перерабатывало ману. Даже во сне или без сознания его ядро должно было продолжать втягивать и очищать ману, чтобы поддерживать его физическое тело. Но он сам ввел себя в состояние глубокой обратной реакции, в то время как его тело находилось в состоянии, близком к смерти. Слишком много маны ушло на поддержание и исцеление его самого, и ее не осталось, чтобы исцелить возникшую нагрузку на его ядро. Как сердце, которое перестало биться, мы должны были найти способ заставить его ману снова течь, иначе...

Оглядев комнату, я попытался вспомнить уроки своей юности. Прошло слишком много времени с тех пор, как мне понадобилось залечивать раны, полученные в бою.

Однospальная кровать стояла посреди небольшой комнаты в центральном гнезде Очага. Из-за наших усилий и разгоревшегося в камине огня здесь было очень жарко. Я стоял по одну сторону от кровати Чула, а два моих соклановца - у ног и головы Чула соответственно. Авьер в облике зеленой совы сидел на полке, прикрепленной к стене, и его большие глаза следили за

каждым нашим движением.

Чул лежал без сознания на кровати между нами. Последние остатки его маны ушли на прижигание ран, поэтому крови было мало, но вид его, такого разорванного, с отсутствующими ногой и рукой, заставлял мое старое сердце болезненно сжиматься. Когда я отпустил его на битву с Артуром, я и представить себе не мог, что он вернется к нам в таком виде.

Мне следовало быть более осторожным, - устало подумал я. На кону стояло нечто большее, чем жизнь одного члена клана. Мне нужен был Чул, нужно было понять, что он видел и пережил с тех пор, как покинул Очаг. Он был моими глазами в этом мире, чтобы увидеть его нынешнюю форму, и жезлом, с помощью которого я должен был найти истину в событиях, разворачивающихся на обоих континентах.

Я закрыл глаза и испустил искренний вздох старика.

"И снова здравствуй, Артур", - сказал Авьер, и мои глаза распахнулись.

Артур Лейвин стоял у входа и с ужасом смотрел на лежащего Чула. Я не почувствовал, как он вошел в Очаг. Скрывая удивление, я поприветствовал его. "Какая хитрость судьбы привела тебя сюда в этот момент?" спросил я, внимательно наблюдая за ним в поисках любых признаков его намерений.

"Что случилось?" - спросил он, внешне недоумеая.

"Я..." Слова подвели меня, и самообладание дало трещину, намерение скрыть глубокую боль, которую я испытывал из-за собственной неудачи, ускользнуло, а черты лица дрогнули. "Мне пришлось отозвать Чула в Очаг, но я не знал о присутствии Наследия в Звериных Полянах. Она напала на него с группой низших василисков - Призраков, кажется, они так себя называют. Ты... оказался здесь как раз вовремя, чтобы пожелать Чулу прощания. Я не могу его спасти". Даже произнося эти слова, я понимал, что это правда. Я больше ничего не мог сделать для ребенка Рассвет.

"Почему ты... ждал..." Артур, казалось, какое-то время пытался осмыслить мои слова. "Что значит, ты не можешь его спасти? Эти раны выглядят ужасно, конечно, но он асура... или, по крайней мере, наполовину. Он..." Он внезапно замолчал, его взгляд смотрел прямо сквозь Чула.

Я знал, что он видит. "Его тело слишком слабо и изранено, чтобы поддерживать себя. Имея так мало маны, он не только ужасно ранен, но и его тело голодает, пытаясь исцелиться. Мы не смогли изменить состояние его ядра, и ни один эликсир, который мы использовали, не был усвоен должным образом".

"Дисбаланс между силой его тела и его ядра", - тихо сказал Артур. Его брови сошлись, и он окинул меня свирепым взглядом. "Ты сказал, что Наследие... это сделала она?"

Я положил руку на пылающий лоб Чула, вспоминая, как ее воля билась о мою собственную. Понимая, что сейчас не время для полного рассказа, я лишь кивнул.

Артур придвинулся ближе к столу. Его руки были сжаты в кулаки по бокам. "Он не должен был оставаться один. Он должен был быть в Вилдориале с моей сестрой..." Его глаза загорелись от внезапной отчаянной мысли. "Элли! Она может манипулировать маной, направлять ее прямо в ядро. Может быть, она сможет..."

Я кивнул, уже понимая, что он хочет предложить. "Хотя вряд ли удастся стимулировать ядро, настолько ослабленное и невосприимчивое, я бы с радостью попробовал... я бы попробовал все, но... просто нет времени, Артур. К тому времени, как мы сможем привезти ее из Вилдориала, Чул уже будет..."

"У вас должен быть какой-то способ - вы же фениксы, черт побери", - огрызнулся Артур, его взгляд полыхнул неподдельным гневом. "Какого черта ты отправил его туда одного, Мордейн? О чем ты думал?"

Я знал, что он говорит от страха и досады за своего друга, и не принимал его слов близко к сердцу, принимая их тяжесть и не чувствуя к нему горечи. Когда я говорил, то тщательно подбирал каждое слово, не желая причинять ему еще большую боль в этот момент. "Я думал, что необходимость в этом велика, Артур, но ты прав, что недоволен мной. Это мое собственное нетерпение вывело Чула на чистую воду". И я чувствую, что твое разочарование будет только расти по мере того, как ты будешь все узнавать.

"Другие асуры", - внезапно сказал Артур, переключившись на другую тему. "У драконов Кезесса наверняка есть магия, способная исцелить даже такие раны, верно?"

Я не смог сдержать скорбного выражения, которое появилось на моем лице. "Возможно. Искусства вивума драконов могут быть весьма мощными, но когда асура больше не может поглощать ману, даже самые сильные исцеляющие заклинания или эликсиры мало что могут сделать. Обратная реакция у асуры случается редко, Артур. В наших ядрах достаточно маны, чтобы предотвратить ее во всех ситуациях, кроме самых тяжелых".

"Что-то должно быть", - сказал Артур, проведя рукой по волосам, его глаза были дикими. "Может быть..." Он что-то сделал, как-то использовал эфир, который я не смог почувствовать, а затем начал высыпать вещи на кровать рядом с Чулом. "У меня есть эликсиры, всякие штуки, которые я собрал в своих путешествиях, на всякий случай. Вот, просмотри все это. Это?" Он протянул небольшой пузырек с жидкостью насыщенного сливового цвета. "Или это?" На матрасе лежали три выцветшие зеленые чешуйки, каждая размером с раковину моллюска.

Солейл наклонилась вперед и уставилась на кучу сокровищ, переведя взгляд с Артура на меня.

Артур бросил на нее полный надежды взгляд.

Обойдя стол и встав рядом с ним, я взял артефакты и протянул их ей. "Этого просто недостаточно. Почти недостаточно, но ты это уже знаешь".

Он, казалось, сдулся, взяв предметы и заставив их снова исчезнуть в каком-то пространственном хранилище. Он смотрел мне в глаза, но я не мог понять, что он ищет в них. Может быть, какой-то смысл в смерти Чула? Или правду... и, подумав об этом, я кое-что понял.

"Что ты здесь делаешь?" спросил я, надеясь, что мой голос звучит по-доброму. "Ты не мог знать о Чуле, так зачем ты пришел?"

Он отмахнулся от вопроса. "Разве сейчас это имеет значение? Это... важно, но сначала мы должны..." Его глаза снова расширились, и он снова активировал свое пространственное хранилище. "Эликсиры! Я почти забыл, что он назвал их мощными эликсирами".

Я почувствовал, как мои брови взлетели вверх. "Он? Какие эликсиры? Артур, я..."

У меня вырвался вздох, прежде чем я успел сдержать его, когда я уставился на три предмета,

свободно лежащие в его руке. Быстро, но осторожно я обхватил его руки обеими своими и мягко сжал пальцы, чтобы они плотно сомкнулись вокруг трех ярко-синих жемчужин.

"Осторожно, Артур, осторожно!" Он задумчиво наблюдал за моей реакцией, словно взвешивая ее в уме. "Ты знаешь, какова ценность того, что ты носишь?"

Артур ответил на мой неуверенный взгляд с ясностью и целеустремленностью, которые удивили меня, даже если исходили от такого человека, как он. "Когда я пытался отдать их раньше, один асурский лорд отказался взять их, потому что они были слишком ценными, чтобы принять их. Я не дурак, Мордейн, я знаю, как ценны эти траурные жемчужины, но сейчас меня волнует только одно: помогут ли они ему".

"Что это такое?" с любопытством спросил Авьер, повернув голову в сторону.

Солейл и Аврора тоже смотрели на меня, не понимая. Молодые, такие молодые, все они, подумал я, огорченный тем, что те, кто был на моем месте, больше не знают о Слезах Матери... и все же, я не решался рассказать кому-то из них эту историю.

Взглянув на Чула, я увидел, что-то небольшое, что еще оставалось в его теле, быстро сгорает. Было бы правильно рассказать все Артуру, прежде чем принять от имени Чула. Его жертва не должна быть принесена по незнанию, но... Я тяжело сглотнул, ища в глазах Артура правду о его намерениях.

Наконец я кивнул и взял одну жемчужину между двумя пальцами, осторожно вынимая ее из ладони Артура. "Думаю, так и будет, хотя я не видел, чтобы ее использовали много-много лет". Мое внимание переключилось на Солейл. "Иди, найди мне самый острый серебряный нож. Быстро!"

Артур шагнул вперед, склонился над Чулом, и в его руке в форме кинжала сгустилось лезвие из вибрирующей аметистовой силы. "Я сделаю это. Просто скажи мне, что нужно сделать".

Я провел пальцем по горячей коже груди Чула, над его ядром. "Нам нужно разрезать его ядро. Открыть его достаточно широко, чтобы вставить жемчужину".

В его поведении не было ни удивления, ни колебаний. Вместо этого он положил одну руку на грудь Чула, а другой изящно провел зачарованным клинком по складке над грудью Чула. Аметистовое лезвие рассекло плоть, кость и даже закаленную внешнюю оболочку ядра так же просто, как если бы оно резало хлеб. Потребовался всего один проход.

Двигаясь так медленно, что это было почти мучительно, я опустил ярко-синюю сферу под кожу Чоля и погрузил ее в само ядро. Я быстро отошел, и Солейл с Авророй сделали то же самое.

Артур с запозданием последовал за нами, его взгляд метался туда-сюда между мной и раной в груди Чула. "Работает?"

"Мы узнаем об этом через мгновение. А пока нам остается только ждать".

Наступило молчание, и мы все наблюдали за происходящим, не зная, каким будет результат. Мир и спокойствие поселились в глубоко укоренившемся напряжении, помогая его разрушить. Все, что можно было сделать, было сделано, и теперь оставалось только ждать.

"Ты сказал... что это сделала Сесилия?" спросил Артур спустя минуту или больше.

"Это сделали ее солдаты", - пояснил я, чувствуя, как в покой этого момента вторгается гнев. "Она оставалась скрытой. Думаю, ее целью было, чтобы никто не обнаружил ее присутствия в Дикатене". Я заколебался. "В этой встрече было что-то... странное. Она... напала на меня, но это была слабая попытка, и она, казалось, была застигнута врасплох своей попыткой. Потом она убежала".

Артур молчал и размышлял, но ничего не ответил.

Я обдумал все, что произошло, - все это было неправдоподобно, начиная с присутствия Наследия и заканчивая появлением Артура с траурным жемчугом. "Скажи мне, Артур... Мне нужно знать, как у тебя оказались эти траурные жемчужины. Ты украл их? Взял силой? Кто-то предложил их тебе в обмен? Если..."

Он выглядел удивленным и оскорбленным, бросив взгляд на других фениксов и Авьера. "Нет! Верун... Лорд Экклея подарил их мне. Я полагал, что это подарок клану Матали, но они отказались от него".

"Понятно", - сказал я, не желая его перебивать. "Лорд Экклея... Я не стану притворяться, что понимаю его мысли. Но подарить вам не одну, а целых три таких вещи, да еще и не объяснив, что это такое..." Я покачал головой, с трудом в это веря. "Верун затеял опасную игру. Я удивлен, что Кезесс вообще позволил тебе покинуть Эфеот с ними. Происходят вещи, которых я не понимаю".

"Лорд Мордейн", - произнесла Аврора своим тоненьким голоском. Когда я посмотрел в ее сторону, она продолжила. "Что делают эти... траурные жемчужины? Что делает их такими ценными?"

"Слезы Матери... ритуал левиафанов". Я жестом подозвал Артура, и он взял в руки две другие. "Одна, созданная за тысячу лет, возможно, меньше. Крайне редко асура умирает в младенчестве, не успев даже вылупиться. Невероятная трагедия". В горле у меня запершило, голос стал хриплым. "Левиафаны... давным-давно они открыли процесс, при котором... разрушают тело младенца, но сохраняют его ядро".

"В ядре незрелого левиафана содержится вся мана, которая должна сформировать и построить новую жизнь, поддерживая младенца, пока он учится управлять маной самостоятельно. Жизнь. Вот что хранит каждая жемчужина. Новая жизнь".

"Я не понимаю, что это значит", - сказал Артур, его голос был мягким.

"Траурный жемчуг - величайший дар, который может преподнести повелитель расы левиафанов. Он дарит их лишь изредка и только для того, чтобы облегчить великие страдания, связанные с жизнью, которую необходимо прожить, ты понимаешь?" С каждым словом я чувствовал, как мой рот все глубже и глубже хмурится. "История Эфеота богата рассказами о принцах, королях, пророках и великих героях, которых траурная жемчужина спасла от верной смерти. Но за каждую из них была заплачена непрожитая жизнь, младенец, которого нельзя было спасти. Такая сделка никогда не бывает легкой".

"Три тысячи лет траурных жемчужин..." пробормотал Артур. Он осторожно повертел их в руках, затем заставил исчезнуть обратно в своем хранилище измерений, и я подумал, что, возможно, он начинает осознавать всю тяжесть своего решения. Он слегка встряхнулся. "Это не имеет значения. Я пока не знаю, чего хочет Лорд Экклея, чтобы дать мне это, но, независимо от их ценности, если это может спасти этого жаждущего битвы простака от..."

Он замолчал, когда в его золотых глазах отразился голубой свет. Из траурной жемчужины начала вытекать мана. Сначала это была лишь струйка, а затем поток. Через несколько мгновений из нее полилась река маны.

Сине-белый свет, такой яркий, что мне пришлось отвести взгляд, засиял из пореза на груди Чоля. Он выплеснулся из него, вскипел на его плоти, а затем впитался обратно через многочисленные раны, окутав его жидким светом чистой маны. Его раны закрылись, стерлись, словно были всего лишь мазками крови на коже, а затем медленно начали восстанавливаться его отсутствующие рука и нога.

Я с трудом мог поверить в это. Мана рождения, жизни - возрождения. Я знал, что Чул изменится, но не мог понять, как именно. Омолодится не только от этих ран, но и от целой жизни, в течение которой он рос и развивался.

"Я не чувствовал этого..." прошептал Артур. "Как в нем могло быть спрятано столько маны?"

На кровати между нами грудь Чула медленно расширялась, когда он делал глубокий вдох. Напряжение спало с его лица, и пелена маны начала тускнеть, возвращаясь в его плоть и вновь наполняя его.

"Его ядро... исправлено", - сказал Артур, его голос был напряжен.

Мой взгляд переместился на его лицо, которое разрывалось от противоречивых эмоций. Его пальцы впились в грудину, надавив так сильно, что побелели костяшки пальцев, и я поняла.

Он прочистил горло и мягко похлопал Чула по руке. "Я сделал все, что мог, мой брат по мести. Остальное зависит от тебя".

<http://tl.rulate.ru/book/114117/4366030>